

Особенности миграции населения России в 1897-1914 гг.

Морозов Сергей Дмитриевич

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, профессор
кафедры истории и философии, доктор исторических наук, профессор, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы в России на рубеже XIX–XX вв. Проанализированы традиционная и новая формы миграционной подвижности населения. Изучены тенденции, направления, цели и структуры миграционных потоков в России в 1897-1914 гг.

Ключевые слова: политика миграции; переселенцы; регистрация; категории; численность; состав.

Введение

В 1897-1914 гг. миграционные процессы в России проходили раннюю стадию миграционного перехода. Традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались в объеме, появились новые направления их потоков. Новая форма миграции (переселение в города) стала набирать темп с конца XIX в. Указанные миграционные процессы весьма противоречиво взаимодействовали с другими демографическими процессами.

Не будем останавливаться на причинах крестьянских переселений, поскольку они подробно рассмотрены в специальной литературе [1-4, 6, 7, 15, 17, 22-25, 33, 34, 36-39]. В рамках настоящего исследования поставлена и успешно решена следующая целевая задача: выполнен анализ миграционных процессов в России 1897-1914 гг., выделены основные направления, тенденции и цели миграции населения, а также описана новая форма миграции (переселения в города).

Результаты исследования

География переселений из районов и губерний России весьма обширна. Наиболее активным было население Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В конце XIX в., особенно после строительства Транссибирской железной дороги, Зауралье становится основным направлением переселенческого движения, чему содействовала также политика правительства (особенно столыпинская реформа) [3-14, 22, 24, 25, 32, 34, 37].

По данным статистики в 1897-1914 гг. за Урал проследовало в прямом направлении 1,6 млн. семейных переселенцев [3, 6, 7, 18-20, 24, 25, 28, 29, 32, 34, 35, 37]. Наиболее значительными миграциями в Сибирь отличались некоторые губернии Центральной России, семь из которых направили в этот регион империи до 1,3 млн. чел. Это были Курская, Воронежская, Тамбовская,

Орловская, Самарская, Пензенская и Саратовская губернии. Значительная часть населения была занята отхожими промыслами внутри Центральной России. Наиболее активными в миграционном отношении по-прежнему были Центрально-Земледельческие губернии. В этих губерниях наблюдался наибольший естественный прирост населения, и аграрный кризис был наиболее сильным. В результате миграции численность населения заселявшихся районов увеличивалась более быстрыми темпами, чем в Центральной России. Если численность населения в Сибири к 1914 г. возросла более чем в 3 раза, то в Центральной России – в 2 раза [6-9, 16, 21, 32, 34, 37].

По мере развития промышленности и аграрного кризиса увеличивалось число мигрантов в города и распространялось отходничество крестьян на заработки. Учет миграции в города не был налажен удовлетворительно. Об этом можно судить по динамике общей численности городского населения или по данным городских переписей. Рост городского населения становится заметным с конца XIX в.: в 1897-1914 гг. оно возросло многократно и большей частью за счет миграционной составляющей. Однако доля городского населения в общей численности населения России к 1914 г. увеличилась всего лишь с 13 до 17 % [8, 9, 15, 15].

Отходничество крестьян на заработки, уходившее корнями в XV-XVI вв., было распространено в XIX в. в неземледельческих губерниях Севера и Центра Европейской России, а также в Поволжье до широкого использования на Волге паровых судов (бурлачество). Немецкий ученый А. Гакстгаузен, путешествовавший по России в середине XIX в., был поражен распространением крестьянских промыслов в этих губерниях. Анализ статистических данных о числе отходников, проведенный по результатам паспортной статистики, свидетельствует о том, что в целом наблюдалась обратная переселению за Урал картина распределения губерний по интенсивности отхода крестьян. Ежегодная численность отходников возрастала в 1900-х гг. примерно в 1,2–1,3 раза. В 1906–1910 гг. было выдано св. 14,5 млн. годовых паспортов [8, 16, 21, 33, 38, 39].

В целом, в России существовала районная дифференциация миграционных потоков. Земледельческие губернии с высоким уровнем рождаемости были связаны с заселявшимися районами Сибири, Северного Кавказа и т.д.; отходничество было распространено в промышленных губерниях центра. Внутренняя миграция играла заметную роль в изменении числа регионов заселения, а также городов, особенно столичных. В Петербурге и Москве в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами. Но вклад миграции в воспроизводство населения России был большим за счет ее противоречивого взаимодействия с другими демографическими процессами.

С одной стороны, миграция понижала уровень рождаемости и брачности за счет разлуки супругов, нарушений возрастно-половой структуры населения, изменения репродуктивных установок людей вследствие их перехода в более модернизированную среду (города) и др. Особенно ярко проявлялась роль миграции в воспроизводстве в годы экономических и других со-

циальных кризисов. В условиях ограниченного использования методов внутрисемейного регулирования деторождения, миграция, разлучавшая супругов (а не снижение уровня брачности, как иногда ошибочно полагают), являлась главной причиной падения рождаемости. Кроме того, мигранты содействовали распространению эпидемий. С другой стороны, миграционные процессы способствовали сохранению высокого уровня рождаемости в традиционном обществе и замедляли начало демографического перехода.

Аналогичную сдерживающую роль играла миграция по отношению к другим демографическим процессам. Миграцию можно рассматривать, наряду с контрацепцией, абортами, стерилизацией, инфантицидом, отложенными браками и целибатом, как демографическую реакцию на падение уровня благосостояния. Это падение в России было вызвано ростом населения из-за резкого снижения смертности в ходе модернизации. Из этих реакций люди в традиционном аграрном обществе выбирают те, которые наиболее доступны и способствуют сохранению их прежнего уклада жизни. Таковой является миграция при наличии свободных земель. Если миграция затруднена, то люди предпочитают откладывать браки для поддержания своего экономического благополучия.

Кроме того, в 1900-х гг. в сельском населении различались две установки в поведении и, соответственно, два типа миграции. Первая – «новаторская» – характеризовалась желанием человека ехать в незнакомые, совершенно отличные от прежних индустриальные районы. Вторая – «традиционная» – характеризовалась тем, что человек не хотел менять свой прежний сельский уклад жизни, нелегко принимал новое. Аграрное перенаселение заставляло его отправляться туда, где были свободные земли. Поэтому в регионах заселения уровень рождаемости был не ниже, чем на родине переселенцев.

Наращение революционного кризиса в России в начале XX в. вынудило правительство императора Николая II полностью отказаться от традиционной политики ограничения переселений. Право на них теперь получали все желающие, независимо от их имущественного положения. Правительство сознательно поощряло переселения на окраины безземельных и малоземельных крестьян. Таким путем правящие круги стремились ослабить социальную напряженность в центральных малоземельных губерниях и расширить базу для хуторского и отрубного землевладения. Поскольку безземельные неимущие крестьяне не имели необходимых средств для переселения в отдаленные окраинные районы империи, им предоставлялся ряд существенных льгот и привилегий.

Новый курс переселенческой политики был окончательно оформлен законом от 6 июня 1904 г., который освобождал новоселов от круговой поруки, расширял и увеличивал льготы и пособия переселенцам (путевые пособия, врачебно-продовольственная помощь, пониженный переселенческий тариф за проезд по железной дороге, ссуды на обзаведение хозяйством, равные 100 руб., а в Приморье – 150 руб. и т.д.).

Русско-японская война вынудила правительство приостановить переселения, но уже в 1906 г. они были возобновлены. Однако много переселенцев возвращалось обратно (в 1910 г. обратные переселенцы в Центральную Россию составили 36 %, а в 1911 г. – 60 % всех мигрантов) [1, 2, 6, 7, 16, 28, 32-34, 37, 39].

С конца XIX в. в большинстве губерний России местные губернские статистические комитеты наладили учет движения населения, включая и миграционные процессы. В отчетах губернаторов и ежегодных печатных обзорах губерний появлялись регулярные сведения о переселениях на окраины и в крупнейшие города империи. Однако и теперь, если крестьянское миграционное движение на окраины регистрировалось более или менее полно (главным образом, в местах вселения), то приток жителей в города страны и вообще неземледельческие миграции фиксировались недостаточно качественно. Возможная неточность подсчетов и приведенных данных объяснялась несовершенством российской статистики того времени, а также тем обстоятельством, что уходившие на заработки в города, а отчасти и переселявшиеся на окраины, регистрировались дважды – по месту прежнего и нового жительства.

Можно частично учесть приток населения в города. С 1897 по 1914 гг. механический прирост в Петербурге достиг 1,1 млн. чел., в Москве – 833,4 тыс. чел. Предстоит большая работа по учету темпов миграционного движения в города. Однако этот «отлив» в местах убытия в официальных источниках почти не фиксировался. Так, например, механический «отлив» из Новгородской губернии составил в 1896–1914 гг. – 3,6 тыс. чел., в Тверской зарегистрирован «прилив» – 1,8 тыс. чел., в Ярославской – отток – 4 тыс. чел. и т.д. В то же время, перепись 1900 г. зарегистрировала в Петербурге 116,4 тыс. чел. уроженцев Тверской, 83,5 тыс. чел. – Ярославской, 50,8 тыс. чел. – Новгородской губерний и т.д. [8, 15, 16].

Процессы формирования населения Петербурга свидетельствуют о том, что в 1910 г. в столицу мигрировали 774,2 тыс. крестьян из 11 губерний Центральной России, или 71,9 % всех жителей столицы. Кроме того, на первые пять губерний (Тверская, Ярославская, Новгородская, Петербургская, Псковская) приходилось 55,9 % от общей численности рассматриваемой группы жителей Петербурга. В указанный период в составе крестьян, жителей столицы, был невысок удельный вес выходцев из губерний с более развитой промышленностью (Петербургская, Московская, Костромская губернии) [8, 16, 26, 30, 31].

Материалы переписей 1900 и 1910 гг. выявили распределение всего петербургского населения по месту рождения. Так, в 1900 г. родившиеся в Петербурге составили 455,9 тыс. чел., родившиеся вне столицы, прибывшие сюда мигранты составили 983,7 тыс. чел., всего 1,4 млн. чел.; доля родившихся в Петербурге к общей численности населения достигла в это время всего 31,7 %. К 1910 г. общая численность населения столицы увеличилась в 1,3 раза, в том числе на 1/3 возросла численность уроженцев столицы и мигран-

тов. Однако мигранты по-прежнему доминировали в абсолютных и относительных показателях. Родившиеся в Петербурге составили 610,2 тыс. чел., родившиеся вне Петербурга – 1,3 млн. чел., уроженцы столицы при этом составляли менее 1/3 населения (32 %) [8, 26, 30, 31].

В 1910 г. среди отдельных сословий петербургского населения родившиеся в Петербурге, и мигранты были представлены следующим образом. Среди почетных граждан, купцов и мещан Петербурга местные уроженцы составляли более половины (51-54 %). Среди основной массы петербургского населения – крестьян – мигранты составляли большинство – 75,3 %. Сословия дворян и духовенства были представлены в большинстве лицами, мигрировавшими в столицу, – соответственно 59,1 % и 67,4 %. В целом же мигрантов среди столичного населения в это время было около 70 % [8, 26, 30, 31].

Статистические данные позволяют выявить, каков был общий удельный вес группы постоянных жителей Петербурга в 1910 г. Группа родившихся в столице и поселившихся в ней до 1900 г. составила 55,5 %. Если распределить так же пропорционально и последнюю группу («неизвестно, когда»), то общий удельный вес численности постоянных жителей Петербурга можно определить примерно в 60 %. Однако абсолютное и относительное большинство мигрантов, поселившихся в столице в разные годы, составило 1,3 млн. чел., или 68 %, причем более половины из них мигрировали в столицу за 10 лет до переписи 1910 г.

В работе, опубликованной Московской городской Думой, приведены данные о том, как распределялся в течение 15 лет (с 1897 по 1911 гг.) среднегодовой прирост населения Москвы по факторам влияния. Подсчеты данных по пятилетиям свидетельствуют о том, что хотя естественный прирост населения постепенно увеличивался, но все же миграция во «вторую» столицу намного превосходила его: в 1897-1901 гг. – в 4,2 раза, в 1902-1906 гг. – в 2,8 раза, в 1907-1911 гг. – в 3 раза [8, 15, 16, 27].

Статистические источники и подсчеты показывают, что с конца XIX в. до начала Первой мировой войны из Центральной России на окраины выбыло свыше 5 млн. чел. Переселения, довольно значительные в 1914 г. (выбыло 336,4 тыс. чел.), резко сократились в 1915 г. (выехало 28,2 тыс. чел.) и почти сошли на нет в 1916 г. (11,2 тыс. чел.). В 1915 г. специальным циркуляром Главного управляющего землеустройством и земледелием переселения на окраины были приостановлены до окончания военных действий [1-3, 6-8, 16, 32, 34, 37]. Выселяться продолжали только лица, получившие разрешение на это до ввода в силу указанного циркуляра. В результате подавляющая часть мигрантов выбыла на окраины в 1897-1914 гг. В эти годы полным ходом продолжалось освоение и заселение земель в Европейской России и на Кавказе, хотя в Азиатскую часть страны устремлялось св. 3/4 (76,1 %) всех мигрантов Центральной России. На Кавказе тогда поселилось 18 % всех переселенцев, а на Украине – 6 %.

Основная масса переселенцев разместилась в Сибири и на Дальнем Востоке – 2,6 млн. чел. Они, в основном, расселялись в Западной Сибири (1,7 млн. чел.), что составило треть всех выбывших на окраины страны. В Томской губернии осталось 1,5 млн. чел. (28,1 %), а в Тобольской – только 256,1 тыс., или 4,9 %. За Западной Сибирью следовали Восточная Сибирь (456,5 тыс. чел., или 8,7 % всех лиц, переселившихся на окраины) и Дальний Восток (367,2 тыс., или 7 %). В Восточной Сибири основная часть переселенцев поселилась в Енисейской губернии (321 тыс., или 6,1 %), а на Дальнем Востоке – в Приморской области (225 тыс., или 4,3 %) [3, 6-9, 16, 17, 32, 34, 37].

Далее по числу переселенцев из Центральных губерний следовали Казахстан и Средняя Азия (1,4 млн. чел., или 27,3 % от общего числа всех мигрантов). Заселялся в первую очередь Казахстан (1,3 млн. чел.), а в Среднюю Азию прибыло только 127,4 тыс. чел. обоего пола. В самом Казахстане подавляющая часть новоселов разместилась в Акмолинской области (731,2 тыс. чел.). На Кавказ переселилось 938,1 тыс. чел. обоего пола. Характерно, что в 1900-х гг. немалая часть мигрантов направилась в Закавказье (Бакинская губерния и Карская область), на Северном Кавказе разместилось 507,1 тыс. чел., а в Закавказье – 431 тыс. чел. В Закавказье большая часть новоселов осела в Бакинской губернии (281 тыс. чел., или 5,4 %), в Карской области (57,7 тыс., или 1,1 %) и в Черноморском округе (86,2 тыс., или 1,6 %). На Северном Кавказе новоселы осваивали в первую очередь Кубанскую область (219,5 тыс., или 4,2 %) и Ставропольскую губернию (53,1 тыс., или 1,1 %) [6-9, 16, 32, 33].

Если в Азиатскую Россию переселялось преимущественно земледельческое население с получением на новых местах узаконенных земельных наделов, то в Закавказье шли главным образом переселенцы, которые не получали здесь земли. Немало мигрантов из Центральных губерний устремлялось также в города Закавказья и на нефтеразработки Бакинской губернии.

Украина и Северный Кавказ занимали особое положение. С одной стороны, Область Войска Донского и в 1900-х гг. продолжала привлекать земледельческое население (приток равнялся 240,4 тыс. чел., или 4,6 %). В Екатеринославскую губернию по-прежнему прибывали крестьяне преимущественно Центрально-Земледельческого района для работы на шахтах и промышленных предприятиях Донбасса. В Херсонской губернии много жителей оседало в быстрорастущих торговых городах, среди которых на первом месте находилась Одесса. С другой стороны, с Украины выселялись сельские жители на окраины страны.

В Центральных районах России усилился приток мигрантов в города (особенно в обе столицы). Подавляющая часть внутри имперских переселенцев из районов и губерний Центральной России прибыла в следующие губернии: Томскую (1,5 млн. чел.), Петербургскую (1,1 млн. чел.), Московскую (787,3 тыс. чел.), Акмолинскую (731,5 тыс. чел.), Енисейскую (321 тыс. чел.), Бакинскую (281 тыс. чел.), Тобольскую (256,1 тыс. чел.), Область Войска Донского (240,4 тыс. чел.), Приморскую (225 тыс. чел.), Кубанскую (219,5 тыс. чел.).

Как уже отмечалось, сведения о губерниях по выходу переселенцев неполны, так как здесь учтены не все мигранты (зарегистрировано лишь 3,5 млн. чел., или 68 % от общего числа), однако районы и губернии оттока по ним определить можно. На первом месте находился Центрально-Земледельческий район (720,5 тыс. переселенцев), затем следует Среднее Поволжье (200,6 тыс. чел.). Это были традиционные районы массового выселения. Роль губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в заселении окраин оставалась небольшой. Самое значительное число внутрироссийских переселенцев дали Орловская (207,4 тыс. чел.), Воронежская (173,1 тыс. чел.), Тамбовская (138 тыс. чел.), Курская (133,1 тыс. чел.) и Самарская (122,7 тыс. чел.) губернии [6-8, 16, 32, 33, 36, 39].

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. По подсчетам российских исследователей, в Европейской России в 1900-х гг. оно составило 23 млн. чел. (10-12 млн. чел. – по другим данным), а к началу 1914 г. – поднялось до 32 млн. чел. (55,9 % трудоспособного населения российской деревни)¹⁷. Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Центральной России. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья. Участие уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.

Выводы

В целом, в России существовало районное различие миграционных потоков. Земледельческие губернии с высоким уровнем рождаемости были связаны с заселявшимися районами Сибири, Северного Кавказа и т.д.; в промышленных губерниях центра было распространено отходничество. Внутренняя миграция играла заметную роль в изменении числа регионов заселения, а также городов, особенно столичных. В Петербурге и Москве в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами. Но вклад миграции в воспроизводство населения России был большим за счет ее противоречивого взаимодействия с другими демографическими процессами.

С одной стороны, миграция понижала уровень рождаемости и брачности за счет разлуки супругов, нарушений возрастно-половой структуры населения, изменения репродуктивных установок людей вследствие их перехода в города. Особенно ярко проявлялась роль миграции в воспроизводстве в годы экономических и других социальных кризисов. В условиях ограниченного использования методов внутрисемейного регулирования деторождения, миграция, разлучавшая супругов (а не снижение уровня брачности, как иногда ошибочно полагают), являлась главной причиной падения рождаемости. Кроме того, мигранты содействовали распространению эпидемий. С другой стороны, миграционные процессы способствовали сохранению высокого уровня рождаемости в традиционном.

Все это обуславливает необходимость дальнейшего углубленного изучения миграционных процессов, анализа изменения тенденций, направлений, цели и структуры миграционных потоков.

Перечень использованных источников

1. Кауфман А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – Санкт-Петербург : [Б. и.], 1905. – 82 с.
2. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией / М. К. Любавский. – Москва : Лань, 2000. – 304 с.
3. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский ; отв. ред. И. В. Бестужев-Лада ; АН СССР, Ин-т социологии. – Москва : Наука, 1990. – 167 с.
4. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века / В. М. Кабузан ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 1998. – 268 с.
5. Русские в мире / АН СССР, ИНИОН, Сов. ассоц. по связям с соотечественниками за рубежом ; [С. И. Брук, В. М. Кабузан]. – Москва : ИНИОН, 1991. – Вып. 2. – 78 с.
6. Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно) / сост. Н. Турчанинов. – Санкт-Петербург : Переселенческое упр., 1910. – 85 с.
7. Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / сост. Н. Турчанинов и А. Домрачев. – Петроград : Переселенческ. упр., 1916. – 81 с.
8. Россия, 1913 г. : стат.-докум. справ. / Рос. АН, Ин-т рос. Истории ; [Ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин]. – Санкт-Петербург : Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995. – 415 с.
9. Население России в XX веке : Ист. очерки : [в 3 т.] / Рос. акад. наук. отд-ние истории ; Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории ; [отв. ред. Ю. А. Поляков]. – Москва : РОССПЭН, 2000. – Т. 1: 1900-1939. – 2000. – 459, [3] с.
10. Российский государственный исторический архив. – Ф. 391. – Оп. 4. – Д. 943, 1083, 1094, 1208, 1751.
11. Российский государственный исторический архив. – Ф. 391. – Оп. 6. – Д. 60, 88, 108, 682.
12. Российский государственный исторический архив. – Ф. 391. – Оп. 11. – Д. 10.
13. Российский государственный исторический архив. – Ф. 395. – Оп. 2. – Д. 3451-в, 3577-г.
14. Отдел рукописных фондов Института Российской истории Российской Академии Наук. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 41, 96, 189, 190.
15. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. – [Санкт-Петербург] : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905. – 48 с.
16. Статистический ежегодник России 1913-1914 / Центральный стат. ком. М. В. Д. – Петроград : Центральный стат. ком. М. В. Д., 1905-1918. – [661] с.
17. Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России / С. А. Новосельский. – Петроград : Изд. К. Л. Риккера, 1916. – 80 с.

18. Российский государственный архив экономики. – Ф. 1562. – Оп. 197. – Д. 1.
19. Российский государственный исторический архив. – Ф. 433. – Оп. 1. – Д. 58.
20. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 967.
21. Введенский Р. М. Методика анализа паспортной статистики России первой половины XIX в. / Р. М. Введенский // Источниковедение отечественной истории : сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории СССР ; отв. ред. В. И. Буганов, отв. секр. В. Ф. Кутьев. – Москва : [Б. и.], 1982. – С. 167-177.
22. Полный свод законов Российской Империи: все 16 т. со всеми относящимися к ним Продолжениями и с доп. узаконениями по 1 сент. 1910 г. : в 2 кн. / под ред. А. А. Добровольского, обер-прокурора Судебного деп. правительствующего сената ; сост. А. Л. Саатчиан. - Неофиц. изд. Кн. 1-2. - Санкт-Петербург : кн. маг. «Законоведение», 1911. - 2 т.
23. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.) : стат. очерки / А. Г. Рашин ; под ред. акад. С. Г. Струмилина. – Москва : Госстатиздат, 1956. – 352 с.
24. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области / сост. А. Меньщиков ; под ред. А. А. Татищева. – Саратов : Губ. правл. – Т. 1: Новоселы, наделенные по душевой норме : (табл. и текст) / под ред. Б. Н. Клепинина. – 1914. – 459 с.
25. Сычевский Е. П. К вопросу о формировании рабочего класса в Приамурье / Е. П. Сычевский // Сборник статей по истории Дальнего Востока / Акад. наук СССР, Отделение ист. наук ; отв. ред. М. Н. Тихомиров. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 218-232.
26. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии: 1922. – Петроград : Петроградский губернский отдел статистики, 1922. – 344 с.
27. Статистический ежегодник города Москвы : Вып. 4. – Москва : Стат. отд. Моск. гор. управы, 1916. – 739 с.
28. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России ... / упр. гл. лечеб. инспектора МВД. – Санкт-Петербург : [Б. и.], 1856-1916.
29. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1290. – Оп. 4. – Д. 755.
30. Население Петербурга (по переписи 1881 года) / [соч.] А. А. Липского. – [Санкт-Петербург] : тип. П. И. Шмидта, 1884. – 10 с.
31. Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года : Население / од ред. управляющего отделением В. В. Степанова. – Петроград : Изд-во Гор. управа по Стат. отделению. – Ч. 1: Численность и состав населения по полу, возрасту, грамотности, степени образования, месту рождения, времени поселения в Петрограде, семейному состоянию, вероисповеданию, сословию и родному языку. – [191-?]. – 339 с.

32. Переселенческое движение на окраины в прямом и обратном направлениях в 1896–1916 гг. // Статистический ежегодник России 1916 / Центральный стат. ком. М. В. Д. – Петроград : Центральный стат. ком. М. В. Д., 1918. – С. 94-103.

33. Яцунский В. К. Изменение в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. / В. К. Яцунский // История СССР. – 1957. – №1. – С. 212-213.

34. Ставровский Я. Ф. Переселение в Сибирь: Прямое и обрат. движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков / Я. Ф. Ставровский, В. В. Алексеев. – Санкт-Петербург : Переселен. упр., 1906. – 141 с.

35. Отдел рукописных фондов Института Российской истории Российской Академии Наук. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 20, 32, 42, 46.

36. Китанина Т. М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни / Т. М. Китанина // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). – Таллинн : [Б. и.], 1986. – С. 226-235.

37. Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Складов. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – 586 с.

38. Анфимов А. М. Методика изучения социальной структуры деревни / А. М. Анфимов // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории / отв. ред. А. П. Тюрина. – Ростов на Дону : [Б. и.], 1980. – С. 227.

39. Островский А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862-1914) / А. В. Островский // Проблемы исторической географии России. – 1982. – Вып. 2. – С. 175-181.

© С. Д. Морозов

Peculiarities of Russian population migration in 1897-1914

Morozov Sergej

Penza State University of Architecture and Construction, Professor of the Department of History and Philosophy, Doctor of Science (History), Professor, Russia

Abstract. The article deals with migration processes in Russia at the turn of XIX-XX centuries. It analyzes traditional and new forms of migration mobility of the population, examines trends, directions, purposes and structures of migration flows in Russia in 1897-1914.

Keywords: migration policy; immigrants, registration; categories; population; composition.

© S. Morozov